

А. С. Пушкин

Пушкин
Собрание сочинений. Том V

Москва
«Книга по Требованию»

П91 **Пушкин А.С.**
Пушкин: Собрание сочинений. Том V / А. С. Пушкин – М.: Книга по Требованию, 2024. – 684 с.

ISBN 978-5-519-50375-4

Полное энциклопедическое собрание сочинений великого поэта. Накануне 210-й годовщины со дня его рождения Александра Сергеевича Пушкина вниманию пользователей сайта предлагается одно из самых знаменитых и качественных изданий наследия великого русского поэта - 6-томное полное собрание сочинение из Библиотеки великих писателей Брокгауза и Ефрона под редакцией С. А. Венгерова. Издание сопровождают отдельные этюды о каждом моменте биографии поэта, очерки о его ближайших друзьях и знакомых - Пушкине, Кюхельбекере, Александре Тургеневе, Василии Пушкине, Вяземском и других, этюды о литературном влиянии на Пушкина русских и иностранных писателей. Каждое из сколько-нибудь значительных произведений Пушкина снабжено историко-литературным введением. К каждому из небольших стихотворений даются пояснительные примечания прямо параллельно тексту. Здесь нашли место наиболее замечательные из картин, писанных на пушкинские сюжеты - Брюллова, Ге, Репина, Айвазовского, Крамского, Клодта, Микешина, Мясоедова, Васнецова и многих других. Все произведения, в которых действуют исторические лица, иллюстрированы портретами этих лиц, видами местностей, бытовыми деталями и т.д. Издание напечатано особо заказанным шрифтом пушкинского времени, с сохранением авторского правописания. Порядок издания строго-хронологический, составители задавались целью представить ход творчества великого писателя в его последовательном развитии. «Мы хотели бы сделать своего рода Пушкинскую энциклопедию, где должно найти место всё, что служит к уяснению жизни и творчества великого поэта».

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

чтобъ взять перо и приняться за возраженія и доказательства. Нынче, въ несносные часы карантиннаго заключенія, не имѣя съ собою ни книгъ, ни товарищей, вздумалъ я, для препровожденія времени, писать возраженія не на критики <на это никакъ не могу рѣшиться>, но на обвиненія нелитературныя, которыя нынче въ большей модѣ. Смѣю увѣрить моего читателя <если Господь пошлетъ мнѣ читателя>, что глупѣе сего занятія отроду ничего не могъ я выдумать.

910. [БУДЕМЪ СПРАВЕДЛИВЫ.]

Будемъ справедливы: г-на Пол[евого] нельзя упрекнуть въ низкомъ подобострастіи предъ знатыми; напротивъ, мы готовы обвинить его въ юношеской заносчивости, не уважающей ни лѣтъ, ни званія, ни славы, и оскорбляющей равно память мертвыхъ и отношенія къ живымъ.

911. [О КИТАЙСКИХЪ АНЕКДОТАХЪ.]

О китайскихъ анекдотахъ; (о личностяхъ); о нравственности; объ аристократіи.—О примѣчаніи Л. Газеты. Разговоръ. Обо мнѣ; о личностяхъ. Напримѣръ:

Недавно въ Пекинѣ случилось очень забавное происшествіе. Нѣкто изъ класса Грамотеевъ написалъ трагедію, долго не отдавалъ ее въ печать, но читалъ ее неоднократно въ порядочныхъ Пекинскихъ обществахъ и даже ввѣрялъ свою рукопись нѣкоторымъ Мандаринамъ. Другой грамотей <слѣдуютъ китайскія ругательства> или подслушалъ трагедію изъ прихожей <что, говорятъ, за нимъ важивалось>, или тихонько взялъ рукопись изъ шкапулки Мандарина <что въ старину также съ нимъ случалось> и склеилъ на скорую руку изъ довольно нескладной трагедіи чрезвычайно скучный романъ. Грамотей-трагикъ, человѣкъ безталанный, но смиренный, поворчавъ немного, оставилъ было въ покоѣ похитителя; но грамотей-романистъ, человѣкъ ловкій и безпокойный, опасаясь быть обличеннымъ, сталъ кричать изо всей мочи, что трагикъ Фанъ-хо обокралъ его безстыднымъ образомъ. Трагикъ Фанъ-хо, разсердясь не на шутку, позвалъ романиста Фанъ-хи въ совѣстный Пекинскій судъ, и проч. проч.

912. [У ОДНОГО ИЗЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ.]

У одного изъ нашихъ извѣстныхъ писателей спрашивали, зачѣмъ не возражаетъ онъ никогда на критики. — Критики не понимаютъ меня, отвѣчалъ онъ, — а я не понимаю критиковъ. Если будемъ судиться передъ публикой, вѣроятно и она насъ не пойметъ, и мы напомнимъ старинную эпиграмму:

Глухой глухаго звалъ къ суду судьи
глухова.
Глухой кричалъ моя имъ сведена
корова
Помилуй, возопилъ глухой тому въ
отвѣтъ
Сей пустошью владѣлъ еще покойный
дѣдъ!
Судья рѣшилъ: Почто идти вамъ братъ
на брата?
Ни тотъ и ни другой, а дѣвка вино-
вата!

913. [МОЖНО НЕ УДОСТОИВАТЬ ОТВѢТОМЪ СВОИХЪ КРИТИКОВЪ.]

Можно не удостоивать отвѣтомъ своихъ критиковъ (ибо таковыя критики имѣютъ вліяніе только) <какъ аристократически говорить самъ о себѣ изд[атель] Исторіи Рус[скаго] Н[арода]>, когда нападенія (критики) суть чисто-литературныя и вредятъ развѣ одной продажѣ (обруганной) разбраненной книги. Но не должно оставлять безъ вниманія, по лѣности или по добродушію, оскорбленія личныя и клеветы, вынѣ, къ нещастію, слишкомъ обыкновенныя. Публика не заслуживаетъ такого неуваженія. (Предлагаемъ благосклоннымъ читателямъ опытъ отраженія (нѣкоторыхъ) оныхъ.

Опытъ отраженія нѣкоторыхъ не литературныхъ обвиненій.

§ 1. О личной сатирѣ.—Кит[айскій] анекд[отъ].—Самъ съѣвшъ.

§ 2. О нравственности, о гр. N[улинѣ].—Что есть безнравственное сочиненіе? — (О Видокѣ).

§ 3. Объ лит[ературной] Аристокр[атіи], о дворянствѣ.

§ 4. Разговоръ о примѣчаніи.—Заключеніе.

(§ ... О Г. Кирѣвскомъ хп-хи!

§ О цѣнѣ Евг[енія] Онѣг[ина].

§ О знаменитости.)

914. [ПЕРЕЧИТЫВАЯ САМЫЯ БРАНЧИВЫЕ КРИТИКИ.]

Перечитывая (иногда) самую бранчивую критику, я нахожу ихъ столь забавными, что не понимаю, какъ я могъ на нихъ досадовать; кажется, если бъ я хотѣлъ надъ ними посмѣяться, то ничего не могъ бы лучшаго придумать, какъ только ихъ перепечатать безо всякаго замѣчанія. Однако жъ я видѣлъ, что самое глупое ругательство и неосновательное сужденіе получаютъ вѣсь отъ волшебнаго вліянія (печати) типографіи. Все еще печатный листъ кажется святымъ. Мы все думаемъ: какъ это можетъ быть глупо или несправедливо? Вѣдь это печатно!

915. [КЪ СТАТИ. НАЧАЛЪ Я ПИСАТЬСЯ 13-ЛѢТНЯГО ВОЗРАСТА.]

Къ стати. Началъ я писать съ 13-ти-лѣтняго возраста и печатать почти съ того же времени. Многое желалъ бы я уничтожить, какъ недостойное даже и моего (слабого) дарованія, каково бы оно ни было. Пное тяготѣть, какъ упрекъ, на совѣсти моей. По крайней мѣрѣ не долженъ я (въ зрѣлыхъ лѣтахъ) отвѣчать за перепечатываніе грѣховъ моего отрочества, а тѣмъ паче за чужія проказы. Въ альманахѣ, изданномъ г-мъ Федоровымъ, между (набравшими) найденными, Богъ знаетъ гдѣ, стихами моими, напечатана идиличія, писанная слогомъ (камердинера) переписчика стиховъ г-на П—ва [Панаева]. Г-нъ Бестужевъ (благодарить) въ предисловіи какого-то своего альманаха, благодарить какого-то Ап. за доставленіе (ему всѣхъ) стихотвореній, объявляя, (ему) что не всѣ удостоились напечатанія.

Сей г-нъ Ап. не имѣлъ никакого права располагать моими стихами, поправлять ихъ по-своему, и отсылать въ альманахъ Г. Б[естужева] вмѣстѣ съ собственными произведеніями стихи, преданные мною забвенію или написанные (мною) не для печати <напримѣръ: Она мила, скажу межъ нами,> или которые простительно мнѣ было написать на 19 году, но непростительно (неприлично) признать публично въ возрастѣ болѣе зрѣломъ и степенномъ [напримѣръ, Посланіе къ Ю.]

916. [ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ.]

[Другая обработка предыдущей тѣмы].

Возвратясь изъ путешествія, узналъ я, что Б[естужевъ], пользуясь моимъ отсутствіемъ, напечаталъ нѣсколько моихъ стихотвореній въ своемъ Альманахѣ. Неуваженіе къ литературной собственности сдѣлалось такъ у насъ обыкновеннымъ, что поступокъ г. Б[естужева] нисколько не показался мнѣ страннымъ. Такъ, напримѣръ, г. Федоровъ напечаталъ однажды идилическую нелѣпость, сочиненную однажды г. Панаевымъ. Но когда Альманахъ нечаянно попался мнѣ въ руки и когда въ предисловіи прочелъ я нѣжное изъясненіе благодарности издателя г-ну Ап., доставившему ему [г. Бестужеву] [13 піесъ], изъ коихъ 5 и удостоились печати,—то, признаюсь, удивленіе мое было чрезвычайно.

Въ числѣ піесъ, доставленныхъ г-номъ Ап., нѣкоторыя принадлежатъ мнѣ въ самомъ дѣлѣ, другія мнѣ вовсе неизвѣстны. Г-нъ Ап. собралъ давно [мною написанное] и замѣнилъ своими стихами тѣ, кои не могли быть пропущены цензурой. Однако въ мои лѣта и въ моемъ положеніи неприятно отвѣчать за... чужія произведенія; то честь имѣю объявить г-ну Ап., что при первомъ такомъ же случаѣ принужденъ буду прибѣгнуть къ покровительству законовъ.»

917. САМЪ СЪШЬ.

Самъ съшь. ¹⁾ Слмъ выраженіемъ въ энергическомъ нарѣчій нашего народа замѣняется болѣе учтивое, но столь же затѣйливое выраженіе: *обратите это на себя*. То и другое употребляется нецеремонными людьми, которые пользуются удачно, безъ церемоніи, шутками и колкостями своихъ же противниковъ. *Самъ съшь* есть нынѣ главная пружина нашей журнальной полемики. Является колкое стихотвореніе, въ немъ сказано, что Тебѣ, усадивъ-было такого-то, велѣлъ его послѣ вывести лакею за дурной тонъ и заносчивость, не терпимую въ хорошемъ обществѣ,—и тотчасъ въ отвѣтъ явилась эпиграмма, гдѣ то же самое пере-

¹⁾ Происхожденіе сего слова: остроумный человекъ показываетъ шишъ и говоритъ язвительно: *съшь*, а догадливый противникъ отвѣчаетъ: *самъ съшь*. [Замѣчаніе для будущаго, или даже для паркетныхъ дамъ, какъ журналисты называютъ дамъ, имъ незнакомыхъ].

сказано не много похоже, съ надписью: *самъ съшь*.

Поэтъ вздумалъ описать любопытное собраніе *букашекъ*.—Самъ ты *букашка*, закричали бойкіе журналы, и стихи твои *букашки*, и друзья твои *букашки*. *Самъ съшь*.

Гг. чиновные журналисты вздумали было напасть на одного изъ своихъ собратіевъ за то, что онъ не дворянинъ. Другіе литераторы позволили себѣ посмѣяться надъ нетерпимостію дворянъ-журналистовъ. Осмѣлились спросить: кто сіи феодальныя Бароны, сіи незнакомые рыцари, гордо требующіе Гербовъ и Грамотъ отъ смиренной братіи нашей? Что же они въ отвѣтъ? Помолчавъ немного, гг. чиновные журналисты съ жаромъ возразили, что въ литературѣ дворянства нѣтъ, что чваниться своимъ дворянствомъ передъ своею братъею <особенно мѣщанамъ во дворянствѣ> уморительно смѣшно, что и настоящему дворянину 600-лѣтія его грамоты не помогутъ въ плохой прозѣ или посредственныхъ стихахъ. Ужасное *самъ съшь*! Къ несчастію, въ «Литературной Газетѣ» отыскали, кто были Аристократическіе литераторы, открывшіе гоненіе на не-дворянство. А публика-то что? публика, какъ судія безпристрастный и благоразумный, всегда соглашается съ тѣмъ кто послѣдній жалуется ей. Напримѣръ, въ сію минуту она, покамѣстъ, согласна съ нашимъ мнѣніемъ, т. е. что *самъ съшь* вообще показываетъ или мало остроумія, или большую надвѣяность на безпамятство читателей, и это фиглярство и недобросовѣстность унижаютъ почтенное званіе литераторовъ, какъ сказано въ китайскомъ анекдотѣ № 1.

918. [ОТЧЕГО ИЗДАТЕЛЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗ. И ЕГО СОТРУДНИКОВЪ НАЗЫВАЮТЪ АРИСТОКРАТАМИ?]

Отчего издателя Лит[ературной] Газеты и его сотрудниковъ называютъ аристократами <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>? пишутъ остроумно журналисты. Въ чемъ же состоятъ ихъ Аристократія? Въ томъ ли, что они дворяне?—Нѣтъ; всѣ журналы побожились уже, что надъ званіемъ никто не имѣлъ и намѣренія смѣяться. Стало быть—въ дворянской спѣси? Нѣтъ; въ Лит[ературной] Газетѣ доказано, что главные сотрудники оной одинъ и вооружились противу сего смѣшнаго чванства и заставили чиновныхъ литераторовъ уважать собратіе-

евъ-мѣщанъ. Можетъ быть, въ притязаніяхъ на тонъ *высшаго* общества? Нѣтъ; они стараются сохранить тонъ *хорошаго* общества, проповѣдуютъ сей тонъ и другимъ собратіямъ, но проповѣдуютъ въ пустынѣ. Не они поминутно находятъ одно выраженіе *бурлацкимъ*, другое—*мушкетерскимъ*, третье—*неприличнымъ для дамскихъ ушей* и т. п.; не они гнушаются просторѣіемъ и замѣняютъ его простомысліемъ <niaiserie, NB, не одно просторѣіе>; не они провозгласили себя опекунами высшаго общества, не они вѣчно пишутъ приторныя статейки, гдѣ стараются поддѣлаться подъ свѣтскій тонъ такъ же удачно, какъ горничныя и камердинеры пересказываютъ разговоры своихъ Господъ; не они *comme un homme de noble race outragent et ne se battent pas*; не они находятъ 600-лѣтнее дворянство мѣщанствомъ; не они печатаютъ свои портреты съ гербами весьма сомнительными; не они разбираютъ дворянскія грамоты и провозглашаютъ такого-то мѣщаниномъ, такого-то аристократомъ; не они толкуютъ вѣчно о *будущихъ читательницахъ, о паркетныхъ* <?> дамахъ. Отчего же они аристократы <разумѣется, въ ироническомъ смыслѣ>?

919—920. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО ПРАДѢДЪ МОЙ.]

Въ одной Газетѣ <почти официальной> сказано было, что прадедъ мой Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, крестьянъ и воспитанникъ Петра Великаго, наперсникъ его (какъ видно изъ собственноручнаго письма Екатерины II), Генералъ-Аншефъ, отецъ Ганнибала, покорившаго Наваринъ <см. памятникъ, воздвигнутый въ Ц[арскомъ] С[елѣ] гр. Ѳ. Г. Орлову> и проч., былъ купленъ шкиперомъ за бутылку рому.—Прадедъ мой, если былъ купленъ, то, вѣроятно, дешево, но достался онъ шкиперу, коего имя всякій русскій произноситъ съ уваженіемъ и не всуе.—Простительно выходцу не любить ни русскихъ, ни Россіи, ни исторіи ея, ни славы ея; но непростительно было бы намъ дозволить всякому выходцу клеветать, но непохвально ему за Русскую ласку марать грязью священныя страницы нашихъ лѣтописей, поносить лучшихъ согражданъ и, не довольствуясь современниками, издѣваться надъ гробами праотцевъ.

Голиковъ говоритъ, что онъ былъ камердинеромъ у Государя, но что Петръ замѣтилъ въ немъ дарованіе и проч. Голиковъ ошибся. У Петра I не было камердинеровъ; прислуживали ему деньщики, между прочими Орловъ и Румянцевъ, родоначальники историческихъ фамилій.

921. ВОЗВРАТЯСЯ ИЗЪ-ПОДЪ АРЗУМА.

Возвратъсь изъ-подъ Арзума, написалъ я посланіе къ князю ** [(Н. Б. Юсупову)]. Въ свѣтѣ оно тотчасъ же было замѣчено... и были мною недовольны: свѣтскіе люди имѣютъ въ высшей степени этого рода чутьѣ. Одинъ журналистъ принялъ мое посланіе за лѣсть итальянскаго аббата и въ статейкѣ, заимствованной у Мерсіо, заставилъ вельможу звать меня по четвергамъ обѣдать. Такъ-то чувствуютъ они вещи и такъ-то описываютъ свѣтскіе нравы—

922. [ВЪ ОДНОЙ ГАЗЕТѢ, ПОЧТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ, СКАЗАНО БЫЛО, ЧТО Я — МѢЩАНИНЪ ВО ДВОРЯНСТВѢ.]

Въ одной газетѣ, почти официальной, сказано было, что я—мѣщанинъ во дворянствѣ. Справедливѣе было бы сказать дворянинъ во мѣщанствѣ. Родъ мой одинъ изъ самыхъ старинныхъ дворянскихъ (нашихъ родовъ). Мы производимъ отъ прусскаго выходца Радши или Рачи, человѣка знатнаго <мужа чести,а, говоритъ лѣтописецъ>, пріѣхавшаго въ Россію во время княженія Александра Ярославича Невскаго <см. Русскія лѣтописи> и Ист[орію] Гос[ударства] Рос[сійскаго]>. Отъ него произошли Пушкины, Мусины-Пушкины, Бобринцевы-Пушкины, Бутурлины, Мятлевы, Поводовы и другіе. Карамзинъ упоминаетъ объ однихъ Мусиныхъ-Пушкиныхъ <(вѣроятно) изъ учтивости къ пок[ойному] Гр. Алексію Ивановичу>. Въ маломъ числѣ знатныхъ родовъ удѣлѣвшихъ отъ кровавыхъ опалъ Царя Ивана Васильевича Грознаго, Исторіографъ именуетъ и Пушкиныхъ. Въ царствованіе Бориса Годунова Пушкины были гонимы и явнымъ образомъ обижаемы въ спорахъ мѣщничества. Г. Г. Пушкинъ, тотъ самый, который выведенъ въ моей трагедіи, принадлежитъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ лицъ той эпохи, столь богатой историческими характерами. (Я описалъ всю его жизнь). Другой Пушкинъ,

во время междоусобія, (будучи воеводою въ Нижнемъ) начальствуя отдѣльнымъ войскомъ, одинъ съ Измайловымъ, по словамъ Карамзина, *сдѣлалъ честно свое дѣло*. 6 Пушкиныхъ подписались подъ избирательной грамотою о избраніи Романовыхъ а одинъ изъ нихъ, окольникій Матвѣй Степановичъ,—подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣщничества <что мало дѣлаетъ чести его характеру>. При Петрѣ они были въ оппозиціи, и одинъ изъ нихъ, Стольникъ Федоръ Алексѣевичъ, былъ замѣшанъ въ заговорѣ Циклера и казненъ вмѣстѣ съ нимъ и съ Соковиннымъ. Прадѣдъ мой былъ женатъ на меньшей дочери адмирала Гр[афа] Головина, перваго въ Россіи Андреевскаго кавалера и пр. Онъ умеръ очень молодъ и въ заточеніи въ припадкѣ ревности или сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, дѣдъ мой, Левъ Александровичъ, во время мятежа 1762 года остался вѣренъ Петру III и не хотѣлъ присягать Екатеринѣ, и былъ посаженъ въ крѣпость вмѣстѣ съ Измайловымъ <странныя судьба и союзъ сихъ именъ!> см. Рюльера и Кастера. Черезъ 2 года выпущенъ по приказанію Екатерины и всегда пользовался ея уваженіемъ, (хотя) онъ уже никогда не вступалъ въ службу и жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ. <Вообще> имя моихъ предковъ встрѣчается почти на каждой страницѣ нашей Исторіи.

(Нынѣ огромное имѣніе Пушкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ; послѣднія ихъ родовыя имѣнія скоро исчезнутъ; (но) имя ихъ останется честнымъ, единственнымъ достояніемъ темныхъ потомковъ нѣкогда знатнаго боярскаго рода).

(Я русскій дворянинъ, и я зналъ своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона).

Если бытъ стариннымъ дворяниномъ значить подражать Англійскому поэту, то сіе подражаніе весьма невольное. Но что есть общаго между привязанностію Лорда къ своимъ феодальнымъ преимуществамъ и безкорыстнымъ уваженіемъ къ мертвымъ предкамъ, коихъ минувшая знаменитость не можетъ доставить намъ ни чиновъ, ни покровительства? Ибо нынѣ знать нашу большею частію составляютъ роды новые, получившіе существованіе уже при Императорахъ. Каковъ бы ни былъ образъ моихъ мыслей, никогда не раздѣлялъ я съ кѣмъ бы то ни было демократической ненависти къ Дворянству. Оно всегда казалось мнѣ необходимымъ и естественнымъ сословіемъ

всякаго образованнаго народа. (Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи). Смотри около себя и читая старыя наши лѣтописи, я сожалею, видя, какъ древніе дворянскіе роды уничтожались, какъ остальные упадаютъ и исчезаютъ, какъ новыя фамиліи, новыя историческія имена, заступивъ мѣсто прежнихъ, уже падаютъ, ничѣмъ не огражденные, и какъ имя дворянина, частотѣ-часу болѣе униженное, стало наконецъ въ притчу и въ посмѣяніе даже разночинцамъ, вышедшимъ въ дворяне, и (празднымъ) досушимъ (журнальнымъ) балагурамъ.

Образованный Французъ или Англичанинъ дорожитъ строкою стараго лѣтописца, въ которой упомянуто имя его предка, честнаго рыцаря падшаго въ такой-то битвѣ, или въ такомъ-то году возвратившагося изъ Палестины; но Калмыки не имѣютъ ни дворянства, ни исторіи. Дикость, подлость и невѣжество не уважаетъ прошедшаго, пресмыкаясь предъ однимъ настоящимъ, и у насъ иной потомокъ (Святослава) Рюрика болѣе дорожитъ звѣздою (какогонибудь) двоюроднаго дядюшки, чѣмъ исторіей своего дома, т. е. исторіей отечества. И это ставите вы ему въ достоинство! Конечно, есть достоинства выше знатности рода, именно: достоинство личное; но я видѣлъ родословную Суворова, писанную имъ самимъ: Суворовъ не презиралъ своимъ дворянскимъ происхожденіемъ.

Имена Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, м[ожетъ] б[ыть], всѣ наши старинныя родословныя; но неужто потомству ихъ смѣшно было бы гордиться ими именами?

923. [ОДИНЪ ИЗЪ ВЕЛИКИХЪ НАШИХЪ СОГРАЖДАНЪ].

Одинъ изъ (самыхъ) великихъ нашихъ согражданъ сказалъ однажды мнѣ <онъ удостоивалъ меня своего вниманія и часто оспаривалъ мои мнѣнія>, что если у насъ была бы свобода книгопечатанія, то онъ съ женой и дѣтьми уѣхалъ бы въ Константинополь. Все имѣетъ свою злую сторону, — и неуваженіе къ (личности) чести гражданъ и удобность клеветы суть одинъ изъ главнѣйшихъ невыгодъ свободы тишенія. У насъ, гдѣ личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенной путь для личной сатиры, именно *обиняки*. Первымъ примѣромъ обязаны мы ** [Воейкову], который въ своемъ журналѣ напе-

чаталъ уморительный Анекдотъ о двухъ Китайскихъ Журналистахъ, которыхъ судія наказалъ бамбуковою палкою за плутни унижающія честное званіе литератора. Этотъ китайскій анекдотъ такъ насмѣшилъ публику и понравился журналистамъ, что съ тѣхъ поръ, коль скоро газетчикъ (журналистъ) прогнѣвался на кого-нибудь, тотчасъ въ листкахъ его является извѣстіе изъ-за границы <и большею частію изъ-за Китайской>, въ коемъ противникъ разписанъ (разбраненъ) самыми черными красками въ лицѣ какого-нибудь вымышленнаго или безыменнаго писателя. Большею частью, Китайскіе анекдоты, если не дѣлаютъ чести изображительности и (воображенію) остроумію сочинителя, то, по крайней мѣрѣ, достигаютъ цѣли своей, по злости, съ каковою они написаны. Не узнавать себя въ пасквили безыменномъ, но явно направленномъ, (казалось мнѣ) было бы малодушіемъ. Тотъ, о которомъ напечатать, что человѣкъ такого-то званія, такихъ-то лѣтъ, такихъ-то примѣтъ, крадетъ, напиримѣръ, платки изъ кармановъ—все таки долженъ отозваться и вступиться за себя, конечно, не изъ уваженія къ газетчику, но изъ уваженія къ публикѣ. Чтѣ за Аристократическая гордость позволять всякому негодю шнырять въ насъ грязью? (Когда какой-то затѣйникъ) Англійскій лордъ равно не отказывается и отъ поединка на кухенрейтерскихъ пистолетахъ съ учтивымъ Джентельменомъ и отъ кулачнаго боя съ пьянымъ конюхомъ. Одинъ изъ нашихъ литераторовъ, бывшій, говорятъ, въ военной службѣ, отказался отъ пистолетовъ подъ предлогомъ, что на своемъ вѣку онъ видѣлъ болѣе крови, чѣмъ его противникъ чернилъ. Отговорка забавная, но въ такомъ случаѣ что прикажете дѣлать съ тѣмъ, который, по выраженію Шатобриана, *comme un homme de noble race outrage et ne se bate pas*.

Однажды <официально> (безчестный историкъ) напечаталъ кто-то, что такой-то Фр[анцузскій] стихотворецъ, подражатель Байрону, печатающій критическія статьи въ Лит[ературной] Газ[етѣ]—человѣкъ подлый и безыраственный, а что такой-то журналистъ, человѣкъ умный, скромный, храбрый, служилъ съ честью сперва одному отечеству, потомъ другому и пр. Фр[анцузскій] стихотворецъ отвѣчалъ подлинно такъ, что скромный и храбрый журналистъ объ двухъ отечествахъ, вѣроятно, долго будетъ его помнить. *On en rit, j'en ris encore moi même.*

Въ другой газетѣ объявили, что я собою весьма неблагообразенъ, и что портреты мои слишкомъ лъстивы. — На эту личность я не отвѣчалъ, хотя она меня глубоко тронула (мое кокетство).

Иной говоритъ какое дѣло критику или читателю, хорошъ ли я собой или дуренъ, старинный ли дворянинъ или изъ разночинцевъ, добръ ли или золь, ползаю ли въ ногахъ сильныхъ или даже съ ними не кланяюсь, играю ли я въ карты и т. п.? Будущій мой Біографъ, если Богъ пошлетъ мнѣ Біографа, объ этомъ будетъ заботиться. А критику и читателю дѣло только до моихъ книгъ. — Сужденіе, кажется, поверхностное. Нападенія на писателя и оправданія къ коимъ подають они поводъ—суть важный шагъ къ гласности прѣдній о дѣйствіяхъ такъ называемыхъ (публичныхъ людей) общественныхъ лицъ (hommes publics), — къ одному изъ главнѣйшихъ условій высокообразованныхъ обществъ; въ семъ отношеніи и писатели, справедливо заслуживающіе презрѣніе наше, ругатели и клеветники, приносятъ истинную пользу.

Такимъ образомъ, дружина ученыхъ и писателей казалось-бы (стоитъ) всегда впереди во всѣхъ набѣгахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности. Не должно имъ малодушно негодовать на то, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла.

Такимъ образомъ и возрастаетъ могущество общаго мнѣнія, на которомъ въ просвѣщенномъ народѣ основана чистота его нравовъ. Мало-по-малу образуется и уваженіе къ личной чести гражданина.

924. [МЕЖДУ ПРОЧИМИ ЛИТЕРАТУРНЫМИ ОБВИНЕНИЯМИ].

Между прочими литературными обвинениями укоряли меня слишкомъ дорогою цѣною Евгенія Онѣгина и видѣли въ ней ужасное корыстолюбіе. Это хорошо говорить тому, кто отъ роду сочиненій своихъ не продавалъ, или чьи сочиненія не продавались; но какъ могли повторять то же милое обвиненіе издатели Сѣв[ерной] Пч[елы]? Цѣна устанавливается не писателемъ, а книгопродавцами. Въ отношеніи стихотвореній число требователей ограничено. Оно состоитъ изъ тѣхъ же лицъ, которыя платятъ по 5 рублей за мѣсто въ театрѣ. Книгопродавцы, купивъ, поло-

жимъ, цѣлое изданіе по рб. экземпляръ, все таки продавали бъ по 5 рублей. Правда, въ такомъ случаѣ Авторъ могъ бы приступить ко второму, дешевому изданію, но и книгопродавецъ могъ бы тогда самъ понизить свою цѣну, и такимъ образомъ уронить новое изданіе. Эти торговые обороты намъ, мѣщанамъ-писателямъ, очень извѣстны.—Мы знаемъ, что дешевизна книги не доказываетъ безкорыстіе Автора, но или большое требованіе оной, или совершенную остановку оной въ продажѣ. Спрашиваю: что выгоды—напечатать 20,000 экз[емпляр]овъ книги и продать по 50 коп., или напечатать 200 экземпляровъ и продать по 50 рублей?

Цѣна послѣдняго изданія Басенъ Крылова, во всѣхъ отношеніяхъ самаго народнаго нашего поэта <le plus national et le plus populaire>, не противорѣчитъ нами сказанному, басни <какъ и романы> читаетъ и литераторъ, и купецъ, и свѣтскій человѣкъ, и дамы, и горничныя, и дѣти. Но стихотвореніе лирическое читаетъ только любитель поэзіи. А много ли ихъ?

925. ШУТКИ НАШИХЪ КРИТИКОВЪ.

(Дѣтскія) шутки нашихъ критиковъ приводятъ иногда въ изумленіе своею невинностію. Вотъ истинный Анекдотъ: въ Лицеѣ одинъ изъ младшихъ нашихъ товарищей, и не тѣмъ будь помянутъ, добрый мальчикъ, но довольно простой и во всѣхъ классахъ послѣдній, сочинилъ однажды два стиха, извѣстные всему Лицею:

Ха, ха, ха! хи, хи, хи!

Де[льви]гъ] пишетъ стихи.

Каково же было намъ Дельвигу и мнѣ въ прошломъ 1830 году, въ первой книжкѣ важнаго Вѣстника Ев[ропы] найти слѣдующую шутку: Альманахъ Сѣверные Цвѣты раздѣляется на прозу и стихи—хи, хи!» Вообразите себѣ, какъ обрадовались мы старой нашей знакомкѣ Эпиграммы! Сего не довольно. Это хи, хи! показалось, видно, столь (замѣчательнымъ для нашихъ журналистовъ) затѣйливымъ что его перепечатали съ большой похвалою въ Сѣв[ерной] Пчелѣ:

(Проза и стихи) «Хи, хи! какъ весьма остроумно сказано было въ Вѣстникѣ Евр[опы], etc.»

926. МОЛОДОЙ КИРЕЕВСКІЙ.

Молодой *Киреевскій*, въ краснорѣчивомъ и полномъ мыслей обозрѣніи нашей словесности, говоря о Дельвиѣ, употребилъ сіе изысканное выраженіе: древняя Муза его покрывается иногда душегрѣйкою новѣйшаго унынія. Выраженіе, конечно, смѣшное. Зачѣмъ не сказать было просто: въ стихахъ Д[ельвига] отзывается иногда уныніе новѣйшей поэзіи? Журналисты наши, о которыхъ г. Киреевскій отзывался довольно непочтительно,—обрадовались, подхватили эту душегрѣйку, разорвали на мелкіе лоскутки и вотъ уже годъ какъ ими щеголяютъ, стараясь насмѣшить свою публику. Положимъ, все та же шутка (столь смѣшная будучи повторена въ сотый разъ) каждый разъ имъ и удастся. Но какая имъ отъ того прибыль? Публикѣ почти дѣла нѣтъ до литературы а малое число любителей вѣрить наконецъ не шуткѣ, безпрестанно повторяемой, но постоянно, хотя и медленно, пробивающимся мѣлкимъ здравой (истинной) критики и безпристрастія.

927. [МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ ГРАММАТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА].

Вотъ уже 16 лѣтъ, какъ я печатаю, и критики замѣтили въ моихъ стихахъ 5 грамматическихъ ошибокъ <и справедливо>; я всегда былъ имъ искренно благодаренъ и всегда поправлялъ замѣченное мѣсто. ¹ Прозой пишу я гораздо неправильнѣе (чѣмъ стихами), а говорю еще хуже и почти такъ, какъ пишетъ Г^н.

У насъ многіе <между прочимъ и Г. Каченовскій котораго кажется, нельзя упрекнуть въ незнаніи русскаго языка> спрягаютъ: *рѣшаю, рѣшаешь, рѣшаетъ* — *рѣшаемъ, рѣшаете, рѣшаютъ*, вмѣсто *рѣшу, рѣшишь* и проч. *рѣшу* спрягается какъ *грѣшу*.

¹ Сбоку выписаны эти 5 ошибокъ: 1) останавливать а взоръ на отдаленныя громады; 2) на темѣ горъ <темени>; 3) воилъ вм. вылъ; 4) былъ отказъ вм. ему отказали; 5) ягумену вм. ягумену.

Иностранныя собств[енныя] им[ена], кончающіяся на *е, и, о, у* не склоняются. Кончающ[іся] на *а, э и ѣ* склоняются въ мужескомъ родѣ, а въ женскомъ нѣтъ; и противъ этого многіе у насъ погрѣшаютъ, пишутъ: книга сочиненная *Гетемъ*, и проч.

Какъ надобно писать: *Турковъ* или *Турокъ*? То и другое правильно. *Турокъ* и *Турка* равно употребительны.

Многіе пишутъ: *юбка, сватъба* вмѣсто *юбка, свадьба*. Никогда въ производныхъ словахъ *т* не перемѣняется на *д*, ни *и* на *б*, а мы говоримъ *юбочница, свадебный*.

Двенадцать, а не *дѣтънацать*. *Две* сокращено изъ *двое*, какъ *три* изъ *трое*.

Пишутъ *телега, телѣга*. Не правильнѣе ли *телега* <отъ слова *телець*: телега, запряженная волами>?

Разговорный языкъ простаго народа <не читающаго иностранныхъ книгъ и, слава Богу, не искажающаго, какъ мы, своихъ мыслей на Французскомъ языкѣ> достоинъ также глубочайшихъ изслѣдованій.

Альфieri изучалъ Итальянскій языкъ на Флорентинскомъ Базарѣ. Нехудо намъ иногда прислушиваться къ Московскимъ просвирнямъ. Онѣ говорятъ удивительно чистымъ и правильнымъ языкомъ.

Московской выговоръ чрезвычайно извѣщенъ и прихотливъ. (Мы говорили) Звучныя буквы *щ* и *ч* передъ другими согласными въ немъ (часто) измѣнены. Мы даже говоримъ: *женщины*, (пошлѣгъ) *нослѣгъ* (см. Богдановича).

<Шіоны подобны буквѣ *ъ*: нужны они только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, но и тутъ можно безъ нихъ обойтись, а они привыкли всюду соваться>.

Грамматика не предписываетъ законовъ языку, но изъясняетъ и утверждаетъ его обычай.

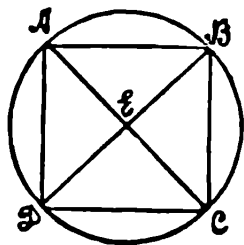
МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

928. [ЕЗУИТЪ ПОССЕВИНЪ].

Езуитъ Поссевинъ, столь извѣстный въ нашей исторіи, былъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ гонителей памяти Макиавелевой. Онъ соединилъ въ одной книгѣ всѣ клеветы, всѣ нападенія, которыя навлекъ на свои сочиненія безсмертный флорентинецъ, и тѣмъ остановилъ новое изданіе оныхъ. Ученый Coringius, издавшій II Principe въ 1660 году, доказалъ, что Поссевинъ никогда не читалъ Макиавеля, а толковалъ о немъ по наслышкѣ.

929. [ФОРМА ЦИФРЪ АРАБСКИХЪ].

Форма цифръ арабскихъ составлена изъ слѣдующей фигуры:

AD [1], EABDC [2], ABECd [3], ABD + AE [4] и проч. Римскія цифры составлены по тому же образцу.

930. [ОТЕЛЛО ОТЪ ПРИРОДЫ НЕ РЕВНИВЪ].

Отелло отъ природы не ревнивъ; напротивъ, онъ доверчивъ. Вольтеръ это понималъ, и, развивая въ своемъ подражаніи созданіе Шекспира, вложилъ въ уста своего Орозмана слѣдующій стихъ.

Je ne suis point jaloux...
Si je l'étais jamais!...

931. [ЧЕЛОВѢКЪ ПО ПРИРОДѢ СВОЕЙ СКЛОНЕНЪ БОЛѢЕ КЪ ОСУЖДЕНІЮ].

Человѣкъ по природѣ своей склоненъ болѣе къ осужденію, нежели къ похвалѣ... <говоритъ Макиавель, сей великій знатокъ природы человѣческой>.

Глупость осужденія не столь замѣтна, какъ глупость похвалы; глупецъ не видитъ никакого достоинства въ Шекспирѣ, и это приписано разборчивости его вкуса, стран-

ности, и т. п. Тотъ же глупецъ восхищается романомъ Дюкре-Дюмениля или исторіей г. Полеваго, и на него смотрятъ съ презрѣніемъ, хотя въ первомъ случаѣ глупость его выразилась яснѣе для человѣка мыслящаго.

932. [DIVIDE ET IMPERA].

Divide et impera — есть правило государственное, не только макиавелическое <принимаю это слово въ его общенародномъ значеніи>.

932-а. [КАКОЙ-ТО ЛОРДЪ].

Какой-то лордъ, извѣстный лѣнивецъ, для своего сына пародировалъ извѣстное изреченіе: «не дѣлай никогда самъ то, что можешь заставить сдѣлать чрезъ другаго.» N., извѣстный эгоистъ, прибавилъ: «не дѣлай никогда для другаго то, что можешь сдѣлать для себя.»

933. [О ДАМАХЪ].

Одна умная дама сказывала однажды, что если мужчина начинаетъ съ нею говорить о предметахъ ничтожныхъ, какъ бы приравливаясь къ слабости женскаго понятія, то въ ея глазахъ онъ тотчасъ обнаруживаетъ свое незнаніе женщинъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли почитать женщинъ, которыя такъ часто насъ удивляютъ быстротою понятія, тонкостію чувства и разума, существами низшими въ сравненіи съ нами? Это особенно странно въ Россіи, которая гордится женщинами, царствовавшими съ славою, между прочимъ Екатериною II, и гдѣ вообще женщины болѣе просвѣщены, болѣе читаютъ, болѣе слѣдуютъ общему въ Европѣ ходу вещей, чѣмъ мы, гордые Богъ вѣдаетъ почему?

934. [МНОГІЕ НЕГОДУЮТЪ НА ЖУРНАЛЬНУЮ КРИТИКУ].

Многіе негодуютъ на журнальную критику за дурной ея тонъ, не знаніе приличій и тому подобное; неудовольствіе ихъ несправедливо. Ученый человѣкъ, занятый своимъ дѣломъ, погруженный въ свои размышленія, не имѣетъ времени являться въ общество и приобрѣтаетъ навыкъ къ суетной

образованности, подобно праздному жителю большого свѣта. Мы должны быть снисходительны къ его простодушной грубости, залого добросовѣстности и любви къ истинѣ. Педаантизмъ имѣетъ свою хорошую сторону. Онъ только тогда смѣшонъ и отвратителенъ, когда мелкомысліе и невѣжество выражаются его языкомъ.

435. [ГЕТЕ ИМѢЛЪ БОЛЬШОЕ ВЛІЯНІЕ НА БАЙРОНА].

Гёте имѣлъ большое вліяніе на Байрона. Фаустъ тревожилъ воображеніе творца Чайльда Гарольда. Нѣсколько разъ пытался Байронъ бороться съ этимъ великаномъ романтической поэзіи—и всегда оставался хромъ, какъ Іаковъ.

936. [БУКВЫ СОСТАВЛЯЮЩІЯ СЛАВЯНСКУЮ АЗБУКУ. ENO ET IKAEL].

Буквы, составляющія Славянскую азбуку не представляютъ никакого смысла. *Азъ, буки, вѣди, маюла, добро* etc. суть отдѣльные слова, выбранныя для начального ихъ звука. У насъ Грамотинъ первый, кажется, вздумалъ составить апофеегмы изъ нашей азбуки. Онъ пишетъ: первоначальное значеніе буквъ, *вѣроятно*, было слѣдующее: *Азъ Букъ* <или *Бугъ!*> *вѣдю*, т.-е. я Бога вѣдаю <!*>*; глаголю добро есть; живеть на землѣ, кто и какъ люди мыслятъ; нашъ онъ покой рцу. Слово (*Δόξας*) твержу... <и прочая, говоритъ Грамотинъ>; вѣроятно, что въ прочемъ не могъ уже найти никакого смысла. Какъ это все натянуто! Мнѣ гораздо болѣе нравится трагедія, составленная изъ азбуки Французской. Вотъ она:

ENO et IKAËL.

Tragédie.

Personnages:

Le prince Eno.

La princesse Ikaël, amante du prince Eno.

L'abbé Pécu, rival du prince Eno.

Ixe
Igrek
Zède } gardes du prince Eno.

Scène unique.

Le prince *Eno*, la princesse *Ikaël*, l'abbé *Pécu*, Gardes.

E n o.

Abbé! Cédez...

L'Abbé.

Eh! f...

E n o [mettant la main sur sa hâche d'arme].
J'ai hâché!...

I k a ë l (se jetant dans les bras d'Eno).

Ikaël aime Eno! (Ils s'embrassent avec tendresse).

E n o (se retournant vivement).

Pécu est resté? Ixe, Igrec, Zede! Prenez-m-r l'Abbé et jetez-le par les fenaitres!

937. [МНОЖЕСТВО СЛОВЪ И ВЫРАЖЕНІЙ, НАСИЛЬСТВЕННЫМЪ ОБРАЗОМЪ ВВЕДЕННЫХЪ].

Множество словъ и выраженій, насильственнымъ образомъ введенныхъ въ употребленіе, остались и укоренились въ нашемъ языкѣ. Напримѣръ: *трогательный* отъ слова *touchant* <см. справедливое о томъ разсужденіе г. Шишкова>. *Хладнокровіе*—это слово не только переводъ буквальный, но еще и ошибочный; настоящее выраженіе французское есть *sens froid*—хладномысліе, а не *sang froid*. Такъ и писали это слово до самаго 18-го столѣтія. «*Dans son assiette ordinaire*». *Assiette* значить—положеніе, отъ слова *asseoir*, но мы перевели каламбуромъ: *не въ своей тарелкѣ*.

Любезнѣйшій, ты не въ своей тарелкѣ. (*Горе отъ ума*).

938. [ПОСЛОВИЦЫ].

«Не твоя печаль чужихъ дѣтей качать», т.-е. не твоя забота.

«Бодливой коровѣ Богъ рогу не даетъ»—пословица латинская.

«Нужда научить калачи вѣсть», т.-е. нужда мать изобрѣтенія и роскоши.

«Кто въ дѣлѣ, тотъ и въ отвѣтѣ». Въ дѣлѣ, т. е. въ должности; въ отвѣтѣ, т.-е. въ посольствѣ.

«Не суйся среда прежде четверга». Смыслъ ироническій и относится къ тѣмъ, которые хотятъ оспаривать явныя, законныя преимущества; вѣроятно, выдумана во время мѣстничества.

«Горе лыкомъ подпоясано». «Разительное изображеніе нищеты; см. Древнія стихотворенія».

«Иже не ври же, его же пригоже». Насмѣшка надъ книжнымъ языкомъ: и въ старину надъ этимъ острялись.

939. О ПРИЛИЧИИ ВЪ ЛИТЕРАТУРѢ.

По поводу Альфреда де Мюссе.

Между тѣмъ, какъ сладкозвучный, но однообразный Ламартинъ готовилъ новыя благочестивыя размышленія подъ заслуженнымъ названіемъ *Harmonies religieuses*; между тѣмъ, какъ важный Victor Hugo издавалъ свои блестящія, хотя и натянутыя Восточныя Стихотворенія <les Orientales>; между тѣмъ, какъ бѣдный скептикъ Делормъ воскресалъ въ видѣ исправляющагося неофита, и строгость приличій была объявлена въ приказѣ по всей Французской литературѣ—вдругъ явился молодой поэтъ съ книжечкой сказокъ и пѣсень и произвелъ недоумѣніе... Какъ приняли молодого проказника? За него страшно. Кажется, видишь негодованіе журналовъ и всѣ ферулы, поднятыя на него. Ничуть не бывало. Откровенная шалость любезнаго повѣсы такъ изумила, такъ понравилась, что критика не только его не побранила, но еще сама взялась его оправдать, объявила, что можно описывать разбойниковъ и убійцъ, даже не имѣя цѣлю объяснить, сколь непохвально это ремесло—и быть добрымъ и честнымъ человѣкомъ; что, вѣроятно, семейство его, читая его стихи, не станетъ раздѣлять ужаса нѣкоторыхъ и видѣть въ немъ изверга; что, однимъ словомъ, поэзія—вымыселъ, и ничего съ прозаической истиной жизни общаго не имѣетъ. Давно бы такъ, милостивые государи...

Итальянскія и Испанскія сказки Мюссе отличаются живостію необыкновенной. Изъ нихъ *Portia*, кажется, имѣетъ болѣе всего достоинства: сцена ночного свиданія, картина ревнивца, посѣдѣвшаго вдругъ, разговоръ двухъ любовниковъ на морѣ, все это прелесть. Драматическій очеркъ: *Les marrons de feu* обѣщаетъ Франціи романтическаго трагика, а въ повѣсти *Mardoche* Musset, первый изъ Французскихъ поэтовъ, умѣлъ схватить тонъ Байрона въ его шуточныхъ произведеніяхъ, что вовсе не шутка. Если мы будемъ понимать слова Горация: *difficile est propria communia dicere*, какъ понялъ ихъ Англійскій поэтъ въ эпиграфѣ къ Донъ-Жуану, то мы согласимся съ его мнѣніемъ: трудно прилично выражать обыкновенные предметы. *Communia* значить не обыкновенные предметы, но общіе всѣмъ. <Дѣло идетъ о предметахъ трагическихъ, всѣмъ извѣстныхъ, общихъ, въ противоположность предметамъ вымышленнымъ>.

940. [О ДРАМѢ].

Драматическое искусство родилось на площади—для народнаго увеселенія. Что нравится народу, что поражаетъ его? Какой языкъ ему понятенъ?

Съ площадей, ярмонки <вольность мистерій> Расинъ переноситъ ее во дворъ. Каково было ея появленіе?

<Корнель, поэтъ Испанскій>.

Сумароковъ, Озеровъ <Катенинъ>.

Шекспиръ, Гете. Вліяніе его на нынѣшній Фр[анцузскій] театръ,—На насъ. Блаженное невѣдѣніе критиковъ, осмѣянное В[яземск]имъ; они на словахъ согласились, признали Романтизмъ, а на дѣлѣ не только его не держатся, но дѣтски нападаютъ на него.

Что развивается въ трагедіи? Какая цѣль ея? Человѣкъ и народъ—судьба человѣческая, судьба народная.—Вотъ почему Расинъ великъ, не смотря на узкую форму своей трагедіи. Вотъ почему Шекспиръ великъ, не смотря на неравенство, небрежность, уродливость отдѣлки.

Что нужно драматическому писателю? Философія, безпристрастіе, Государственные мысли Историка, догадливость, живость воображенія, никакого предразсудка, любимой мысли. *Свобода*.

Между тѣмъ, какъ эстетика со временъ Канта и Лессинга развита съ такой ясностію и обширностію, мы все еще остаемся при понятіяхъ тяжелаго педанта Готшеда; мы все еще повторяемъ, что *Прекрасное* есть подражаніе изящной природѣ и что главное достоинство искусства есть *польза*. Почему же статуи разкрашенные (и слѣдственно ближайшія къ природѣ) нравятся намъ менѣе чисто мраморныхъ и мѣдныхъ? Почему поэтъ предпочитаетъ выражать мысли свои стихами? И какая польза въ Тиціановой Венерѣ или въ Ап[оллонѣ] Бельведерскомъ?

Правдоподобіе все еще полагается главнымъ условіемъ и основаніемъ Драм[атическаго] Искусства. Что, если докажутъ намъ что и самая сущность Др[аматическаго] искусства именно исключаетъ правдоподобіе?

Читая поэму, романъ, мы часто можемъ забыть и полагать, что описываемое происшествіе не есть вымыселъ, но истина; въ одѣ, въ элегіи можемъ думать, что поэтъ изображалъ свои настоящіе чувствованія, въ настоящихъ обстоятельствахъ. Но (можетъ ли сей обманъ существовать) въ зданіи, раздѣленномъ на двѣ